

Александр Хвостов

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Отпусти любовь с улыбкой

Александр Хвостов

Отпусти любовь с улыбкой

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хвостов А. В.

Отпусти любовь с улыбкой / А. В. Хвостов — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Девушку-старшеклассницу предал её парень, изменив с другой. О своём горе девушка рассказала маме. Та делится своим жизненным опытом и убеждает дочь простить молодого человека. Содержит нецензурную брань.

Александр Хвостов

Отпусти любовь с улыбкой

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься и не злись!
В день уныния – смирись,
День веселья – верь, настанет!*
А. С. Пушкин.

Однажды вечером, придя с работы, я не встретила на пороге моей дочери Лизы. Надо сказать, что такого никогда не было, потому что Лиза обычно всегда меня встречала, целовала при встрече, забирала сумки с покупками... А тут на тебе – тишина, словно всё вымерло! Почуя запах, вероятно, не так давно приготовленного ужина, я поняла, что Лиза дома. Да и не в её характере в вечернее время где-то ходить. «Может, ужин приготовила, прилегла да и уснула?» – думаю себе. Решив не голосить на всю квартиру, я поставила портфель с ноутбуком на пуф, разделась и прошла в спальню Лизы.

– Лиза, зайка мой любимый, ты спишь? – спросила я, войдя. Лиза не спала, но когда она ко мне повернулась, я увидела её красивые, светло-голубые глаза, полные грусти; точно чистое небо вдруг обложило огромными, тяжёлыми подушками туч, которые, того гляди, свалятся тебе на голову.

– Здравствуй, моя девочка! – сказала я, сев на постель, обняв и поцеловав её. Дочь мне ответила вялым поцелуем. – Что с тобой, милая? Ты не заболела?

– Если бы я заболела – то была бы повеселее, – грустно иронизируя, сказала мне Лиза. – Меня Валик Воробьёв предал. И не просто предал, а ещё и оскорбил меня, извалял в грязи...

Тут слова Лизы прервались плачем. Я обняла мою ласточку и стала гладить её по спине. Валентин Воробьёв – это одноклассник Лизы и первая её любовь, вполне красивый, остроумный и, как я думала, воспитанный юноша. И потому слова Лизы о его предательстве и оскорблении вызвали у меня лёгкий шок.

– И как это произошло? – спросила я дочь.

– Всё начиналось с прошлого воскресенья, когда мы с Валиком хотели пойти в парк гулять, – начала Лиза, собравшись с силами. – А я тогда слегла с головной болью. Помнишь, ты ещё мне неотложку вызывала? – Я покачала головой. – Я тогда позвонила ему и предупредила, что плохо себя чувствую – и не смогу прийти. Валик мне ответил, что сочувствует и что он бы сам не смог вырваться, потому что родители к друзьям на пикник уехали, а он остался за бабушкой присмотреть. – Лиза снова сделала короткую паузу, после которой продолжила свой рассказ. – А вечером мне позвонила Сашка Звонарёва. Слово за слово, я поведала ей про свои дела и прибавила:

– Валик тоже дома скучает.

На что Сашка ответила:

– Милая моя, видели мы с Лёнкой, как скучал!

– В смысле? – не поняв, спросила я.

– Да он с Ленкой Филатовой из 10-го А на катке круги нарезал, – сказала Сашка.

– Не может быть! – не верю я. – Он же сам говорил, что родители уехали на пикник, а его оставили за бабушкой присмотреть.

– Лизка, ты думаешь, я тебе вру? – спросила Сашка. – Да он с ней не только катался, но целовался без всякого стыда – и им было весьма нескучно вместе. Полюбуйся! – и на мобильник мне прилетела ММС, где Валик целуется с Филатовой. Это раздавило меня...

Лиза снова на мгновение всплакнула, но, овладев собой, продолжила:

– Какая сволочь! – невольно выдала я, забыв о Саше.

– Ты обо мне? – спросила она.

– Ой, прости, родная! – опомнившись, говорю ей я. – Я не тебя имела в виду. – И ты тоже прости меня, если сделала больно, – сказала Саша.

– Я на тебя не сержусь, – сказала я и мы простились. Сегодня я разговаривала с Валиком обо всём этом... На что услышала:

– Девочка моя, а с какой стати я должен тебе что-либо объяснять? Да и вообще, неужели ты думаешь, что я тебя люблю? Вот дура! Тоже мне, Татьяна Ларина! Да я тебе лишь подыгрывал, видя твой интерес ко мне. А на самом деле – ты мне до фонаря, как и твои книги и умные разговоры. Ты на себя в зеркало взгляни: вся воспитанная, хорошенькая, умненькая... Прямо-таки юная послушница! Зато с Ленкой можно свободно и целоваться, сколько влезет, и кое-что другое себе позволить, благо, у неё всё, что надо, на месте. А тебя такую не то что в постель затащить, а просто если кто поцелует – его тут же вырвет от твоего воспитания...

Я влепила ему по морде и убежала в туалет, где и ревела всю перемену. После чего попросила Ирку Караваеву сказать англичанке, что заболела и ушла домой. – Так кончился печальный рассказ моей бедной девочки. Припав к моей груди, она тихонько заплакала. Я с нежностью и любовью гладила её по спине, целовала в макушку... мы сидели молча. Лиза быстро успокоилась (что было одной из черт её характера). Вытерев слёзы, она мне сказала:

– Мамуль, прости, я очень устала – и хочу лечь поспать.

– Хорошо, котёнок, отдыхай! – сказала я ей. Уложив дочь в кровать и чмокнув её на ночь, я покинула её спальню.

С того вечера прошли несколько дней. Всё это время я, насколько могла, наблюдала за Лизой, за её настроением, за её аппетитом и так далее. И в разное время суток я могла видеть разную картину: скажем, утром это была улыбочивая, ласковая, говорливая девчужка, с охотой наворачивающая любимые сырники с вареньем или драники со сметаной и болтающая с тобой, например, о планах на воскресенье или на лето, а вечером это была какая-то угрюмая личность. И слова от такой не добьёшься, даже если перевернёшь её вверх тормашками и будешь трясти за ноги. И тут я понимаю одно: Лиза ещё страдает по Валентину – и здесь чисто бабским разговором делу не помочь. Тут следует поговорить с дочерью, сочетая в своём лице и маму, и психолога. В воскресенье, если будет погода, поедем в парк гулять! А то я сама уже почти посерела, мотаясь из дома в кабинет и обратно. Вот погуляем – а там и поговорим серьёзно!

Боженька будто бы услышал мои мольбы о погоде на воскресенье: день был солнечный и боле-мене тёплый для зимы. Так что после завтрака, который в этот благословенный день начинается не столь рано, мы с Лизкой уехали в парк! Как там хорошо! Ребяшня с горок летает, снежками пуляется, замки и снеговиков лепит... Да и родители к этому бывают равнодушны иногда. Порой даже не ясно, кто больше удовольствия от игры получает.

Но вернёмся к нашим персонам! Гуляя по парку, я спросила у Лизы, что с ней происходит?

– Ты знаешь, мама, – отвечает дочь, – мне очень плохо... И плохо оттого, что я изо дня в день встречаюсь с парнем, которого я ещё люблю, но который меня предал, променял на эту безмозглую, говорящую куклу Филатову. Словом, повёл себя, как подонок! Не прошу ему этого никогда!!! Поверишь ли, самым болезненным ударом для меня бывает момент, когда я их нечаянно застаю за поцелуем. Впечатление, что они нарочно выбирают такой момент, чтобы я увидела – и мне стало бы больней. Итог – я улетаю в туалет и там реву. Скажи, что в этой Филатовой такого... чем она лучше меня?

– А ты чем лучше? – спросила я Лизу.

– Не поняла, – сказала удивлённая дочь, не ожидавшая такого поворота от меня.

– Да элементарно! – говорю ей я. – Вот, например, ты только что назвала Филатову безмозглой куклой – по сути, сама оскорбила соперницу, да ещё за глаза; разве это может характеризовать тебя хорошо?

– Да ты её видела? – возразила Лиза. – Она же ничего, кроме модных и гламурных журналов не читает, с ней даже про фантастику не поговорить; а, скажем, из музыки она слушает Билана, Губина, Лазорева, «Корней» и «Зверей». Честное слово, она чуть ли не сходит с ума от счастья, когда или слышит кого-то из них, или говорит о них.

– А с тобой разве не так бывает, когда по радио поёт Агутин, Газманов или Леонидов? – спросила я дочь. Лизка притихла, видя очевидный факт, что она тоже светится, услышав голос кого-то из этих певцов. – А потом, мне так думается, причина твоих страданий ни в Вале и ни в Лене, а в тебе самой.

– Это как? – спросила дочь.

– А так! – говорю я. – Я слушаю тебя и нахожу противоречия. Например, ты говоришь, что любишь Валентина, – и в тот же момент выдаёшь, что не простишь его. Слава богу, я не слышала, что ты его и Филатову убить хотела бы. И, надеюсь, что этого не произойдёт. Милая моя, о какой любви тут можно говорить?! Человек любящий непременно должен прощать, даже если порой бывает очень больно. А ты, пока тебе сладенько было, так ты и радостной ходила; а как горечи хлебнул, так и жизнь тебе немила, и любимый – подонок, и новая его подруга – кукла безмозглая. Я, конечно, согласна, Валя обошёлся с тобой очень непорядочно. Однако твоё поведение в чём-то похоже на поведение обиженного ребёнка, у которого отняли его игрушку. И вот он плачет, требует, чтобы ему вернули эту игрушку, ему предлагают другие, но он их отбрасывает и требует ту, которую отняли. Вот и ты хочешь, чтобы Валя был с тобой, и готова ради этого злиться, плакать, ныть, жалеть себя... А нет бы, найти себе парня получше! А Валью простить и отпустить с миром.

– Да разве это можно простить? – спросила Лиза.

– А знаешь, – говорю я Лизе, вспомнив нечаянно свой курортный роман 16-летней давности, – когда я была немного моложе и ездила на море, то тоже влюбилась в одного красивого мужчину. Звали его Григорием Печерским. Он мне тогда очень понравился: высокий, темно-волосый, зеленоглазый... Просто русский Аллен Делон! Мы познакомились в кафе на набережной, где я отдыхала. Он подошёл ко мне и пригласил потанцевать – я согласилась. Почему бы нет! Разговорились, понравились друг другу – стали встречаться. Григорий очень красиво за мной ухаживал, цветы дарил, сонеты Шекспира читал, даже однажды серенаду рискнул мне спеть. И пел хорошо! Словом, мы много времени проводили вместе с первой же встречи: вместе ходили на пляж рано утром, пока там ни души, вместе завтракали, обедали, гуляли, ходили в кино, ездили на разные экскурсии и так далее. Благо, по словам Гриши, он был не женат, я тоже была свободна. Да, я была влюблена в этого человека, мне было с ним всегда радостно, тепло, хорошо и спокойно. Помню, как однажды бабахнула гроза (чего я боюсь до смерти!) – так Григорий тогда остался со мной на ночь, дабы мне было не так страшно. Да, я, конечно, понимала, что наш роман закончится – и мы разъедемся по своим городам... Но не думала, что наш роман закончится вот так: мы с Григорием договорились встретиться на набережной и погулять. Я пришла и вижу, как он разговаривает с блондиночкой, немного похожей на одну очень известную телеведущую с канала НТВ. У неё были такие же длинные, прямые волосы, большие, светлые глаза и такое же кукольное лицо. Она была одета в цветастый сарафан и белые шлёпки. Я увидела, как они любовно смотрели друг на друга, целовались... И мне вдруг стало и так больно, будто бы меня неожиданно сильно ударили в грудь. Собрав последние силы, я подошла к ним и, поздоровавшись, попросила Гришу представить мне молодую женщину.

– Ляля, жена Гриши, – сказала она первая каким-то сладким и противным голосом. И тут у меня был ещё больший шок.

– Жена? – спросила я, не веря ушам.

– Ну, да, – сказала Ляля. У Гриши было лицо, как у нашкодившего мальчишки, когда я взглянула на него.

– Милый мой, как мне это всё понимать? – спросила я его спокойно, хотя и не без злости. Он немного помялся, после чего сказал следующее:

– Оленька, милая, послушай меня, пожалуйста! Да, Ляля – моя жена. Просто у нас с ней такое хобби, если хочешь: мы каждое лето уезжаем по разным курортам и там позволяем себе короткие романы с отдыхающими. Спросишь – зачем? Да чтобы скучно не было, ну, и для новых впечатлений. А на кого мужчина или женщина верней пойдут? Конечно, на тех, кто свободны. Так получилось, что кавалер Ляли скоро уехал. Да и она очень соскучилась – вот и приехала ко мне.

Выслушав этот монолог, я ответила так:

– Знаешь, я, наверно, старомодная дура, но я не понимаю, почему, даже если ты изменяешь жене или мужу, нужно врать тому, с кем ты изменяешь, что не женат или не замужем? Не знаю, для кого как, а для меня эта ситуация более мерзка, чем если бы я знала, что у меня роман с женатым мужчиной. Заметь, я тебе не врал, что не замужем, а ты соврал – и мне с тобой больше не о чем говорить. Прощай!

Сказав всё это, я ушла в гостиницу. Запершись в номере, повалилась на кровать и долго плакала. Было ощущение, что меня саму раздавили, растоптали и растёрли по асфальту, а мою душу так, прошу прощения, изгадили, что её уже никогда не отмыть. Придя себя, я обо всём этом написала в письме Вере Ермолаевой, а она мне в ответе написала такие стихи:

*«Отпусти любовь с улыбкой,
Без обиды и без боли,
Не зовя её ошибкой,
Пусть летит себе на волю!
Не суди бывшее строго,
Не кричи: “О, что за муки!”,
Не сердись – тогда от бога
Помощи получишь руку».*

Не скрою, я сперва восприняла эти строки, как издёвку и едва не написала Вере: «Какие тут, к чёрту, улыбки!». Да опомнилась и подумала: «А Вере разве не тяжело воспитывать дочь с ДЦП? А ей не больно, что её муж бросил, не желая нести с ней этот крест? Однако же Вера не ноет, не дуется и не злится, а живёт, любя эту жизнь, любя свою Соньку. Да и та растёт назло всем болезням весёлым и общительным человечком. Так что, Оленька, вытри сопли, успокойся и живи! Что до Гриши... Постарайся его простить; хотя бы просто для того, чтобы тебе было легче. А потом, разве до этого эпизода тебе было с ним плохо? Нет. Вот и возьми на память эти счастливые дни и отпусти любовь с улыбкой! В конце концов, кто его знает, может, Бог пошлёт тебе человека, которого ты полюбишь во сто крат сильнее, чем того, о котором ты сейчас плачешь». И, написав Вере «спасибо за поддержку», я успокоилась и уснула. На другой день, поздно утром я пошла гулять и меня остановил администратор, вручая записку. Там было написано: «Мы уехали. Всего тебе хорошего и прощай! Гриша». «Что ж, – думаю, – и тебе всего хорошего!».

– Мама, а Бог послал тебе человека, которого ты полюбила сильнее прежнего? – спросила Лиза, когда я закончила свой рассказ.

– А как же! – говорю я. – Вот он, гуляет со мной по парку. И я его очень люблю.

– Я тоже люблю тебя, мамочка! – сказала дочь, целуя мне щёку.

Лиза простила Валю и больше не злится на него. Отныне она встречается с Денисом Крапивинным из того же 10-го А.

28 04 2016г.

«Прости, если любишь».

Повесть.

От автора.

Не надо думать, что мне не даёт покоя слава Гоголя или Дюма-отца – и потому я решил написать продолжение истории о Татьяне Чайкиной и её юной подруге Маше, которые за время совместного путешествия стали близки друг другу. Помилуй, бог! Слава этих двух гениев останется мной нетронутой. Что же касается моей идеи написать продолжение этой истории – то для меня это своего рода эксперимент: мне просто в какой-то момент после написания первой повести об этих героинях стало интересно, во-первых, смогу ли я это сделать и что у меня из этого получится; а, во-вторых, я хотел взглянуть на то, как сложатся судьбы моих героинь после их поездки на море, будут ли они близки, да и вообще, кто чего будет достоин. Так и хочется процитировать Высоцкого: «парня в горы тяни – рискни!». И хотя в моей повести не парни, а женщины да и по горам им лазить не доведётся, но испытаний у них и того будет выше крыши. И, пожалуй, самым главными среди них я бы назвал три: испытание бедой, в которой окажутся обе героини; испытание мужеством одной из них, чтобы признать свои ошибки и попросить за них прощение; и испытание мудростью и любовью другой, чтобы суметь простить. Собственно, поэтому повесть и называется «Прости, если любишь»: потому что нелюбящий человек прощать не может и не будет никогда. И я хочу пожелать моим читателям в конце своего вступления любить друг друга и уметь прощать.

Ваш А. Х.

19-го августа 2017г.

1

Историю, которую я хочу рассказать, пожалуй, можно отнести к разряду детективных, поскольку она имеет довольно сильно закрученный сюжет. Однако, едва ли я могла подумать о том, что главными героинями в этой истории окажемся я и Маша, к которой я тогда уже относилась, как к своей дочери. Впрочем, и Маша тоже об этом не думала. И всё же судьбе зачем-то было угодно провести нас через испытание, о котором я сейчас вам и расскажу.

Пожалуй, следует начать с предыстории. Надо сказать, что мы с Машей после той поездки частенько или списывались, или созванивались, а иной раз и увидеться могли, поехать в воскресенье на озеро купаться... Словом, мы начали жить! Правда, она меня пока ещё называла тётёй Таней, но мне это было неважно. Самое главное, что я не чувствовала себя одинокой на этом свете, что рядом со мной был человек, любимый мной и любящий меня, и больше мне ничего не нужно! Соседям и знакомым я представила Машу, как курортную приятельницу. Как и следовало предполагать, было немало разговоров. Мне тут же стали промывать мозги на тему, что Маша аферистка, что она меня обворует и оставит на улице... Помню, один такой разговор случился, когда Маша была у меня в гостях. И затеяла его одна моя знакомая, у которой сроду не было ни котёнка, ни ребёнка, и которая всегда жила ради себя и своей карьеры. Маша это, к несчастью, услышала – её это жестоко обидело и разгорелся большой скандал.

– Как вам не совестно такое говорить? – взорвалась Маша, влетев в гостиную и налетев на мою знакомую.

– Девушка, а вас хорошим манерам не учили? – спросила та. – Я между прочим с вами не разговаривала. А вы вмешались в чужой разговор.

– Со мной вы не разговаривали – это верно, – согласилась Маша. – Но вы говорили обо мне, показывая меня тётё Тане воровкой в данном разговоре, и мне это очень неприятно.

– Смотрите, какие барышни! – съязвила знакомая. – Ну, сказала я про вас и что? Да все вы одним миром мазаны! Все вы, особенно такие соплячки, как вы, мечтаете найти себе богатого или богатую «папочку» или «мамочку» с хорошей квартирой, привяжетесь к ним,

«окучиваете» их, опаиваете, а потом они отписывают вам своё жильё – и вы их кончаете или делаете бомжами.

– Да я за свою жизнь, слава богу, ни у кого копейку не украла, а если было надо – могла своё отдать до последнего... – сказала Маша, почти плача.

– А это дело времени, – неумолимо отвечала знакомая.

– Маша, пойди, пожалуйста, в свою комнату! – сказала я как можно спокойнее. – Мы с тобой попозже обо всём поговорим.

– Да пошли бы вы с вашими разговорами! – последовал ответ Маши.

Сказав это, Маша ушла от меня в слезах. Хотя она приходила ко мне с намерением заночевать у меня и провести со мной будущее воскресенье.

Когда захлопнулась дверь – тут уже я сама набросилась на сидевшую ещё у меня мою знакомую:

– Довольна?! Какого чёрта ты вообще завела эту шарманку? Теперь я сиди и думай, что она и как она... Знаешь, если уж Маша меня когда-нибудь всё же обворует – то так мне и надо, старой дуре! И к тебе плакаться в этом случаи я не побегу, не бойся! А теперь уходи от сюда!

– Да пожалуйста! – сказала моя гостья и ушла.

Почти весь остаток вечера я не могла найти себе места, думая о том, где Маша. Я пыталась её вызвонить, чтобы просто знать, что она жива и здорова... Но абонент был временно недоступен. Приняв на всякий случай валидол, я села на диван и стала читать, дабы хоть как-то отвлечься от тревоги; однако мобильник держала возле себя, чтобы, если потребуется, звонить до полночи, но добиться положительного результата! Впрочем, был и совсем крайний вариант – это вызвать такси и поехать к Маше домой. И я решила, что если до полдвенадцатого звонка от Маши не будет или я до неё не дозвонюсь, то я поеду к ней. Слава богу, в одиннадцать-пятнадцать зазвонил телефон! На экране светилось имя Маши.

– Алло, Маша! Ты где? – почти проорала я в телефон.

– Добрый вечер, это не Маша, – ответил чужой женский голос. – Это Саша, соседка Маши. А вы, я понимаю, тётя Таня?

– Да, она самая, – отвечаю я, забыв поздороваться. – А где Маша?

– Маша у себя дома, – ответила Саша, – просто она сейчас говорить не может толком.

– А что с ней? – спросила я.

– Да ничего серьёзного! Она просто немножко пьяна, – сказала Саша. Я обалдела после этой фразы. Думаю – «Ничего себе, девочка номера выделяет!».

– Я сейчас приеду, – сказала я и повесила трубку.

Так что вариант с такси всё же пригодился, но немного с другой целью.

Приехав к Маше домой и позвонив в дверь, я тотчас увидела на пороге высокую, светловолосую девушку в очках. По портретным описаниям Маши я поняла, что передо мной Саша Берестова. Мы поздоровались и она впустила меня в квартиру. В разговоре Саша рассказала, что когда они с сестрой готовились спать, к ним позвонила другая соседка с их площадки и сказала, что Маша лежит на лестнице и ей плохо. Те, как были в пижамах, так и выбежали, нашли Машу, Света тут же проверила пульс и похлопала по щекам... И когда Маша подала признаки жизни, всё стало ясно: девушка была пьяной в дрезину. Тем временем на лестницу вышел муж той же соседки, вызванный ей же. Он к тому же врач «Скорой помощи». Однако его помощи, как врача, не потребовалось, а вот его помощь, как мужчины, чтобы дотащить Машу до квартиры, оказалась кстати. Саша, взяв из сумки Маши ключи, пошла вперёд, чтобы отпереть двери, а Света с мужем соседки тащили это горе луковое до места.

– Как её никто не обворовал, – сказала Саша, кончая свой рассказ. – Честно говоря, мы со Светкой были в шоке, когда увидели Машу в таком виде. Она ведь к вам собиралась ехать – где она умудрилась так «накачаться»?

– Это мы выясним только утром, – сказала я. – Саша, скажите, пожалуйста: это Маша попросила вас мне позвонить?

– Какое там! – воскликнула Саша. – Она «мама» сказать не могла. Правда, уходя к вам, она дала мне ваш номер на тот случай, если в квартире, не дай бог, что-то будет, а её телефон разрядится. А тут я сама залезла в её мобильник и позвонила, думая, что вы, наверно, волнуетесь за свою племяншку.

– Вы всё правильно сделали, Саша! – сказала я. – Спасибо вам и спокойной ночи!

– И вам спокойной ночи! – ответила Саша. – Нужна будет помощь – звоните в дверь сбоку.

– Спасибо, – сказала я. – Будем надеяться, что обойдёмся своими силами.

Саша ушла. Проводив её и закрыв дверь, я вернулась в гостиную (которая была ещё и спальней), взглянула на разложенный, застеленный постелью диван, где спало моё пьяное сокровище, и подумала: «Слава тебе, Господи, что она жива и невредима!». Подумав так, я невольно заплакала... Понимайте это, как хотите! Подойдя к спящей Маше, я осторожно провела один раз рукой по её голове, ещё раз посмотрела на неё, улыбнулась... А после направилась к стоящему напротив креслу, села в него да и уснула тотчас.

Наступило утро. Я проснулась, как всегда, рано. Привычка – и тут ничего не поделаешь! Даже в воскресенье меня в постели не удержишь дольше, чем до шести утра, если только не привязать к ней чем-нибудь. Зато я много чего за это время могла сделать: проверить стирку, приготовить завтрак и так далее. Вот и в то утро у Маши я решила не терять зря время и пойти кашу хотя бы приготовить да чай заварить. Маша ещё спала. Одеяло на половину сползло с неё на пол – и я, увидев это, сперва подошла к постели Маши и бережно накрыла мою девочку, после чего вышла в кухню. Осмотрев стоящий рядом со входом в кухню холодильник, я нашла бутылку молока и бутылку кефира. Нет, разумеется, были ещё кое-какие продукты, как, скажем, коробка яиц, докторская колбаса, граммов триста, где-то столько же сыра, пакетик творога, даже овощи и фрукты лежали в ящике... Так что, друзья мои, не надо сразу делать ошалевшие от ужаса глаза и думать, будто бы Маша голодом живёт, а я ни сном, ни духом. Просто мне что первое попало на глаза – то я и назвала. Молоко было в норме – и потому для каши годилось, а кефирчик слегка подкис – и я решила сделать ещё оладушки. Посмотрев полки, висевшие рядом с холодильником, и узкий шкаф-пенал, я нашла всё, что было нужно, включая и овсяную крупу. Не торопясь, я поставила на огонь ковшик с молоком и стала варить овсянку. Через некоторое время слышу шаги – Маша выползла из комнаты и направилась в уборную. Думаю, не стоит говорить о том, что происходило там с несчастной девочкой. Я, бросив ненадолго кашу, включила чайник, чтобы заварить чаю (что ж я, дура, сразу не сообразила?).

– Доброе утро, Маша! – сказала я, когда она, умытая, переползла на кухню.

– Тётъ Тань, ты? – спросила Маша, уставившись на меня, будто не узнала.

– А кто ещё? – говорю я мягко. – Чаю хочешь?

Маша кивнула.

– Вот, пей! – сказала я, показывая на кружку. – А завтракать будешь?

– Если и буду – то чуть позже, – ответила Маша. – Господи, как башка болит! Тётя Таня, в шкафу, на дне стоит маленький ящик с таблетками – дай, пожалуйста!

Я достала этот ящик, Маша приняла обезболивающее, после просто некоторое время сидела молча.

– А ты как ко мне попала, тётя Таня? – спросила она, прервав паузу. Я в двух словах рассказала про всё, что было минувшим вечером.

– Так что скажи спасибо всем своим соседям, что не дали тебе пропасть! – сказала я в заключении.

– Да уж! – угрюмо сказала Маша, отпив из кружки. – Тётя Таня, я, мне кажется, вчера ещё и тебя обидела... Ты прости меня, пожалуйста!

– Я давно тебя простила, – с улыбкой сказала я и обняла Машу. – Хотя надо бы тебе всыпать ремня хорошего за то, что ты тут нам всем устроила.

Признаться, сказав последнюю фразу, я невольно усмехнулась сама себе: «Кто бы говорил про «всыпать»! Ты свою Анютку за всю жизнь даже и ладошкой не шлёпнула, а лишь устно ругала, если распускалась. Так что молчала бы, всыпучка!». Надо сказать, меня в определённом смысле порадовало, что Маша вспомнила о нашей ссоре: это означало, что у неё просто похмелье или отравление, без какого-либо более серьёзного вреда для памяти и психики. На мой вопрос, где она умудрилась так напиться, Маша рассказала вот что:

– После того, как мы с тобой поссорились, я пошла, было, домой. Однако по дороге мне позвонила моя однокашница по детдому Люба Комарова, ныне молодая поэтесса, выпустившая буквально только что свой первый сборник, и позвала меня в гости, чтобы слегка отметить это событие. Поверишь или нет, но я так обрадовалась Любкиному звонку, что вся обида тогда ушла долой! И я поехала к ней главным образом ради того, чтобы просто увидеться подругой. И вроде винишко пили мы потихоньку, и поесть было... С чего я так окосела? Самое интересное, я помню, как Люба такси вызвала, как я туда залезла, сказала, куда ехать... То есть, я была хотя и пьяной, но понимала, что делаю. А вот как в подъезд попала – не помню.

– Очевидно, ты дорогой уснула крепко и таксист, довезя тебя до места, вытащил, допёр до лестницы и положил там, – заключила я за Машу. – Ох, ёлки-моталки! Знаешь, Саша вчера удивлялась, как тебя не обворовали, а я, выслушав сейчас всё это, удивляюсь, как тебя не изнасиловали вдобавок, идиотку, или не убили. Ты понимаешь, как ты вчера могла влипнуть? Какого лешего ты не осталась у Любы, попёрлась ночью домой на такси? Приключений искала на свою задницу? Господи, прости! А ты подумала своей дурацкой башкой, что было бы со мной, с Сашей и Светой после этих твоих приключений? Одно слово – критинка!

Едва я закончила свой гневный монолог, как увидела, что Маша заплакала. Стыдно стало девчонке. Я села рядом.

– Всё, всё, успокойся! – сказала я прежним, мягким том, обняв её.

– Тётя Танечка, любимая моя, голубушка, прости меня ради бога! Прости, пожалуйста! – говорила она сквозь слёзы, целуя моё лицо. – Я больше так не буду делать никогда!

И я простила, поцеловав Машу в обе щеки, после чего мы ещё раз обнялись и наконец стали завтракать. С тех пор Маша, даже по праздникам, ничего крепче кваса в рот не брала. Мало-помалу Маша начала приходить в норму, стала улыбаться, даже решила прибраться в квартире, пока я пекла оладьи. Ближе к обеду пожаловали Саша и Света, чтобы проведать больную. Маша им и впрямь обрадовалась, как сёстрам, обняв и поцеловав обеих девушек, и те поцеловали её в ответ, после чего все прошли в гостиную. Знаете, мне было радостно это видеть! Дай бог этим девочкам дружить так тепло ещё долго! Признаюсь честно, я краем уха нечаянно услышала их разговор и потому передаю его вам, как есть:

– Ну, ты как, сестрёнка? – спросила Саша.

– Да, слава богу, оклемалась! – ответила Маша. – Девчонки, спасибо вам за помощь.

– Да не за что! – сказала Света. – Хотя и напугала ты нас всех вчера! Мы думали, тебе плохо... Ты где вчера так отличиться умудрилась? – Как я поняла, Саша, вероятно, одёрнула Свету, так как ответа Маши на вопрос не последовало. В самом деле, вопрос был бестактным.

– Да, слава богу, что всё кончилось хорошо! – сказала Саша.

– Это верно! – согласилась Маша.

Я вошла в комнату и позвала девочек обедать.

– Спасибо, тётя Таня, – сказала Саша. – Но нам нужно в гости успеть к подружке. Мы пораньше вышли, чтобы Машу проведать заодно. А ты, Машуля, выздоравливай, а то нам скучно без тебя гулять!

– Я обещаю, – с улыбкой ответила Маша.

Мы простились и девочки ушли. Пообедав, и мы с Машей решили поехать в парк погулять, благо, на улице было не жарко, да и Маше, как она сказала, было бы не плохо проветриться.

В парке было хорошо! Стояла мягкая прохлада, воробьи чирикают, ребятня, отравившись от своих родителей, резвится на площадке и кричит... Иногда даже казалось, что беспёрые «воробьи» перекрикивают пернатых. Родители, кто на лавочке сидел и за чадами смотрел, а кто прогуливался недалеко от площадки, при этом тоже смотря за детьми. Мы с Машей не спеша ходили по парковой аллее и болтали о разных мелочах, которые могли прийти нам в голову. И нам было в этот момент хорошо, потому что мы были рядом, как близкие и дорогие друг другу люди. Но едва ли мы обе представляли себе, какие ещё испытания нам выпадет пройти. Вернувшись домой к Машей, мы с ней решили расстаться, так как мне надо было ехать к себе, чтобы подготовиться работе.

– Тётя Таня, ты меня правда простила? – спросила она, прощаясь.

– Конечно! – ответила я.

– Я тебя люблю, – сказала Маша, обняв меня.

– И я тебя, моя милая, – ответила я. Мы обменялись поцелуями, Маша вышла из машины и, помахав рукой, вошла в подъезд, а я поехала домой.

Когда я приехала и, выйдя из машины, направилась к подъезду, то увидела возле своей двери небольшую собачонку. Какой она породы – я не знаю, но у неё был тёмно-коричневый окрас. Увидев меня, животное подбежало ко мне и, глядя мне в глаза свои грустными и красивыми глазами, жалобно проскулило: «подайте, мол, добрая женщина, хоть корочку хлеба!». Ей-богу, мне её так жалко стало... И, как назло, дать было нечего, так как я в магазин не заехала – поленилась. Не долго думая, забрала собаку к себе (к слову сказать, она была, простите, сукой!). Поднявшись на свой этаж, я встретила Михал Михалыча, идущего навстречу.

– Здравствуй, Танюша! – сказал он с тёплой, отеческой улыбкой.

– Здравствуйте! – ответила я. – Гулять пошли?

– Да надо бы кости размять, – сказал Михал Михалыч. – А ты, я смотрю, не одна пришла. – Да, это моя новая подружка, – сказала я. – Зовут Каштанка.

Как вы понимаете, кличку собаке я дала на ходу. А почему Каштанка? Отчасти из-за её окраса, да потом самым любимым рассказом Чехова у меня была «Каштанка».

– Тань, погоди! – сказал радостно Михал Михалыч. – Я сейчас принесу тебе кое-какие вещички.

Он ловко юркнул в свою квартиру и через пять минут вышел оттуда с поводком, ошейником, намордником, собачьими чашками и сухим собачьим кормом.

– Возьми, пожалуйста! – сказал Михал Михалыч. Я слегка растерялась. – Возьми, возьми! Всё равно мой Акелла помер – так хоть вам это сгодится.

– Как помер! – удивилась я.

– Да это ещё в твой отъезд было, – сказал Михал Михалыч. – Отравила одна гадина с соседней дачи лишь за то, что он лаял на проезжающие машины или на прохожих.

– Ой, как жаль, – сказала я.

– Да уж, – сказал Михал Михалыч. – Но наша жизнь продолжается – и потому будем жить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.